

**Gregoire Chamayou,
The Ungovernable Society.
A Genealogy of Authoritarian
Liberalism. Polity, 2021, 350 p.
ISBN: 978-1-509-54202-4**

***La Société ingouvernable.
Une généalogie du libéralisme
autoritaire, La Fabrique
éditions, 2018, 326 p.
ISBN: 978-2-35872-169-1***

Георгий Ванунц

*Научный сотрудник Центра современных политических
исследований Института общественных наук РАНХиГС,
пр. Вернадского, д. 82, к.2, Москва, Россия
E-mail: g.vanunts@gmail.com*

**От Шмитта к Хайеку.
Интеллектуальная
история менеджериальной
контрреволюции
Грегуара Шамаю**

В первом томе «Капитала» Карл Маркс предложил любому, кто интересуется настоящим, материальным устройством производственных отношений, спуститься с небес философии и отправиться в душное пекло текстильных цехов. Похожее путешествие, правда по другую сторону баррикад классовой борьбы, предлагает совершить своим читателям автор «Неуправляемого общества» Грегуар Шамаю. В центре его генеалогического исследования «авторитарного либерализма» оказываются не только и не столько работы крупных политических философов, но корпус текстов теоретиков менеджериализма, без которых нельзя вообразить себе стратегические повороты борьбы за управление и управляемость обществ и корпораций второй половины XX века. Впрочем, место Фридриху фон Хайеку и Карлу Шмитту в книге тоже нашлось.

Заглавие работы отсылает к кризису, развернувшемуся, по мысли автора, в 1970-е годы. И пускай этот кризис имплицитно коррелирует с маем 1968-го и октябрём 1973-го, то пространство, где он изначально возник, — это умы консервативных сторонников рынка, встревоженные ростом неуправляемости в экономической и политической сферах, а также связью между ними. Именно в таком порядке: от проблематизации частного правления (*private government*) к проблематизации управляемости демократии — двигается текст. Отмечу сразу, что плавного перехода между этими двумя уровнями, который свидетельствовал бы об однозначно выявленной связи менеджериалистских наработок, «большой» антидемократической философии и инструментальной неолиберальной микрополитики, по ходу этого движения так и не происходит.

В шести частях своего исследования автор обращается к различным типам кризиса управляемости в бизнесе и ответным контрстратегиям, призванным с ним совладать: (1) кризису вертикального управления на промышленных производствах; (2) возникшей бреши в осмыслении отношений между управлением и контролем, менеджментом и акционерами; (3) горизонтальному давлению на крупный бизнес со стороны политических активистов; (4) недолгой истории борьбы международных корпораций с глобальной регуляцией; (5) росту новых форм общественной интервенции в бизнес и борьбе с ними; (6) решающему усилию по подавлению демократического давления на государственном и микрополитическом уровнях.

В этой рецензии я откажусь от попытки охватить содержание книги целиком и сосредоточусь на двух аспектах, пусть связь между ними и не представляется мне настолько ясной,

как автору. Во-первых, я попробую реконструировать цепочку зафиксированных Шамаю ключевых концептуальных поворотов в американских исследованиях менеджериализма. Во-вторых, уделю особое внимание заключительной части работы, в которой автор артикулирует важное для себя понятие «либерального авторитаризма». За рамками этого анализа останется немало замечательных анекдотов о стратегиях антикорпоративных активистов и наемных борцов с профсоюзами, которые заслуживают самого пристального внимания читателей.

I

Предпосылкой отправки «теологического кризиса» в теории менеджериализма стала публикация в 1932 году книги «Современная корпорация и частная собственность» за авторством юриста Адольфа Берли и экономиста Гардинера Минза (Berle, Means 2017). Они отметили трансформацию, которая произошла в области прав собственности вместе с окончательным утверждением модели акционерных обществ, — с приходом на рынок массового акционера некогда единые активный и пассивный залогов владения окончательно разделились, и, по большому счету, активными владельцами той или иной компании теперь следовало называть менеджеров, которые управляют ей изо дня в день. А те, в свою очередь, по характеру управления стали напоминать скорее бюрократов на государственной службе. Это вроде бы тривиальное замечание о разделении *владения и контроля* (Chataou 2021:132) обнажило поистине теологическую угрозу классической экономической теории — если собственник больше не управляет фирмой максимально эффективно в своих интересах (так как он не управляет ей вообще), а интересы менеджера вовсе необязательно связаны с максимизацией прибыли фирмы, то за счет чего вообще сохраняется положительный вклад корпоративного капитализма в общее благо?

Попыткой закрыть возникшую в самом центре легитимации бизнеса брешь стал, по мнению Шамаю, *этический менеджериализм*. Его образцовым документом можно считать работу Говарда Боуэна «Социальные ответственности бизнесмена» 1953 года (Bowen 2013), в которой автор поставил под сомнение либеральную аксиому о следовании собственному интересу как единственно достаточном принципе предпринимательской деятельности. Боуэн переворачивает устоявшуюся схему с ног на голову — с его точки зрения, право владения предпринимателя легитимировано тем, что он действует как раз таки не толь-

ко в своих собственных интересах (Chamaou 2021: 150). Таким образом, источник власти *частного управления* отвязывается от титула собственности и помещается в несколько смутную область эффективного управления как такового. Это окончательно смещает внимание с собственника на менеджера, обретающего своего рода моральную автономию и, как подчеркнули бы критики, окончательное сходство с госслужащим.

К началу 1970-х, отчетному для Шамау периоду реакции, тезисы как Берли и Минза, так и Боуэна составляли идеологическую основу консенсуса, который в широком смысле принято называть «кейнсианским». Автор выделяет (Chamaou 2021: 152) четыре принципа, характерных для этого консенсуса: (1) смещение центра власти от капитала к управлению, от предпринимателя к менеджеру; (2) отказ от постулата максимизации прибыли; (3) размытие класса крупных собственников, «капитализм без капиталистов»; (4) постепенное «исчезновение собственности» на средства производства, ползучая делегитимация единства владения и управления. Политическая рациональность, *raison d'Etat*, глубоко проникла в механизм управления экономикой, сделав ее областью «частной политики» (*private politics*).

Подобная конвергенция экономического управления и политической рациональности с самого начала стала мишенью для теоретиков свободного рынка — от Милтона Фридмана до Ральфа Даррендорфа, — слишком откровенно обнажая противоречие между демократическими идеалами в гражданской жизни и частным авторитаризмом экономической организации. Из всего многообразия критиков этического менеджериализма автор выделяет Генри Манна (Manne 1961), одного из основателей субдисциплины экономического анализа права. Согласно Манну (Chamaou 2021: 192), проблема ослабшей обратной связи между акционерами и управленцами, породившая веру в просвещенный абсолютизм менеджеров, остается таковой, только если исключить из анализа третью, верховную силу — рынок. Именно он является необходимой опосредующей силой, которую должны иметь в виду менеджеры, лишённые мотива собственного интереса. В случае излишнего отступления от задач максимизации прибыли рынок «наказывает» как управленцев, так и владельцев корпорации руками чужих акционеров, которые способны попросту поглотить упавший в цене портфель акций. Сформулированный Манном еще в 1960-х тезис до поры носил скорее нормативный характер, однако уже в 1981 году свято веривший в него Уильям Бакстер был назначен главной антитрастового кабинета министерства юстиции США и пред-

принял все возможное для того, чтобы рынок получил полный спектр возможностей наказывать зарвавшихся менеджеров.

Таким образом, вероятно, сам того не ведя, Манн утвердительно повторил Маркса, который в рукописях, вошедших в посмертно изданный третий том «Капитала» (Chamayou 2021: 163), предсказывал необходимость своего рода верховной власти капитала над самими капиталистами как следствие развития акционерных методов владения. В еще большей степени «программирующая теория» Манна соответствовала онтологическому проекту Фридриха Хайека, который предложил взгляд на экономику как на спонтанный порядок обмена, наиболее эффективный тогда, когда оттуда изгоняется какая-либо чуждая ему логика управления. Заимствуя корень этого понятия у Хайека, Шамаю предлагает (Chamayou 2021: 219) называть сложившуюся на основе подобной точки зрения управленческую гегемонию «каталлархией» — порядком, при котором агентность не принадлежит более ни менеджерам, ни акционерам (ни тем более рабочим), но воплощается в обезличенной метавласти финансового капитала.

II

Помимо философских угроз, с которыми пришлось иметь дело традиционным интеллектуалам, класс собственников (на этот раз оказавшись скорее по одну сторону баррикад с менеджерами) столкнулся с новым, стратегически выверенным типом общественного давления. К началу 1970-х организации вроде «Фонда промышленных зон» (IAF) и «Национального действия/исследования военно-промышленного комплекса» (NARMIC) нарабатывали целый корпус практик, при помощи которых можно было добиваться от корпораций уступок работникам и обществу. На смену потерявшим эффективность бойкотам пришли художественные акции и, что гораздо опаснее, инструментализация статуса миноритарного акционера. Политизируя собрания акционеров, активисты воплощали самый фундаментальный страх эпохи этического менеджериализма: демократизацию корпоративной сферы.

Вопреки истерии консервативных политических комментаторов, отреагировавших на волну шерхолдер-активизма призывами бросаться на амбразуру войны с «Новым классом», под которым подразумевались враждебные бизнесу и «всей системе» образованные профессионалы, корпорации избрали по-своему сдержанный метод защиты. Контуров этого метода обозначил

в своей речи 1971 года Джон Рокфеллер. Он призвал бизнес-сообщество не поддаваться соблазну «отвечать инвективой на инвективу» (Chamaou 2021: 284) и вместо этого скорее возглавить протест, раз погасить его более не возможно. Чтобы сохранить собственную легитимность, бизнесмены должны были принять легитимность внешних требований и медиировать их, становясь реформаторами. Уже вскоре словосочетание «социальная ответственность бизнеса» переключалось из словаря его критиков и исследователей в набор риторических инструментов маркетинговых отделов.

Гиганты вроде Dupont, Техасо или General Motors настолько увлеклись слоганами в поддержку «зеленой революции» и символическими уступками, что напугали самого Милтона Фридмана, который, отчасти небезосновательно, предсказал, что менеджмент может настолько далеко зайти в своем лицемерии, что в один момент попросту поверит в собственные лозунги и забудет о максимизации прибыли (Chamaou 2021: 291). Не упоминая Ника Лэнда, Шамаю вводит понятие (Chamaou 2021: 292), явно родственное ландовской концепции гиперверия (*hyperstition*), — на русский мы могли бы перевести его как «гиперлицемерие» (*hypercrisy*). Далекое не только Фридман выражал опасения по поводу потенциала «гиперлицемерия», ведь, в конце концов, инструментальный перехват дискурса социальной ответственности, пускай и мог быть эффективным в краткосрочной перспективе, на теоретическом уровне лишь закреплял угрозу прорыва политического в экономическое, замеченную еще послевоенными менеджериалистами.

Закрыть эту онтологическую брешь удалось лишь Майклу Дженсену и Уильяму Меклингу, причем поистине революционным методом — вместо споров об агентности менеджмента и социальной ответственности корпорации они предложили просто усомниться в полноценном существовании и того, и другого. В своей статье 1976 года (Jensen, Meckling 1976), которая до сих пор занимает третье место по цитируемости в экономических субдисциплинах, Дженсен и Меклинг определили фирму (Chamaou 2021: 317) как сеть (*nexus*), эфемерную чистую связь между индивидами, с необходимостью вступившими друг с другом в контрактные отношения для осуществления определенной деятельности. Таким образом исследователи отвергли хрестоматийный тезис Рональда Коуза о том, что фирма представляет собой пространство нерыночных и даже авторитарных отношений, оперирующее в области контрактных отношений, то есть рынка (Chamaou 2021: 314). Окончательно растворив

фирму в окружающем ее рынке, Дженсен и Меклинг попытались уничтожить сам объект критики — ведь если корпорации как бы не существует, то как можно всерьез проблематизировать отношения власти внутри или вне нее?

В ходе диалектического движения от новой дереализующей теории Дженсена-Меклинга ее симпатизанты в лице Армена Алчиана и Гарольда Демсица (Alchian 1965; Demsetz 1988) формулируют то, что Шамаю называет *полицейской теорией фирмы* (Chamaou 2021: 354). Если последняя является всего лишь пересечением множества контрактных отношений, а ее акционеры в этом смысле по-прежнему лишены эксклюзивной агентности, то все же как именно могут приниматься эффективные решения внутри фирмы и чем обосновывается неравенство ее сотрудников? Здесь политическое вновь возвращается в теорию — по мысли Алчиана и Демсица, менеджер становится не столько субъектом власти, сколько специализированным работником, чья компенсация обуславливается ролью контролера за возможными злоупотреблениями его подчиненных. Но, в отличие от предшествующих теорий агента и принципала, акционеры также становятся контролерами, «менеджерами над менеджерами», чем и зарабатывают собственные дивиденды.

III

Параллельно вновь восторжествовавшей неоклассической теории формировалась новая, в классификации Шамаю третья, концепция частного правления. Она возникла скорее со стороны самих управленческих корпоративных машин, как бы параллельно академическому дискурсу. Стратегическая менеджериальность (*strategic manageriality*) оказалась наиболее успешно распространившимся гибридом. Он появился вследствие решения крупного бизнеса не только пойти на диалог с обществом, но и наконец-то попытаться навязать ему в этом диалоге свою гегемонию. Пока неоклассические и неолиберальные теоретики прилагали все мыслимые усилия для концептуальной деполиитизации фирмы, корпоративные стратеги занимались ее реполитизацией на практике.

Своего рода синтезом новой абстрактной теории фирмы и стратегической менеджериальности стала «теория стейкхолдеров». Хотя разработка понятия «стейкхолдер» к тому моменту насчитывала не меньше нескольких десятилетий, опорным текстом, по мнению Шамаю, стал «Стратегический менеджмент: Подход Стейкхолдера» Эдварда Фримана, опубликованный

в 1984 году (Freeman 1984). Фриман предпринял успешную попытку перетасовать троичную схему, в которой цепочка влияний распределялась в однонаправленном порядке от поставщиков (приносивших ресурсы) к бизнесу (перерабатывающему их в продукты) и, далее, к потребителям (для которых эти продукты создавались). Его собственная схема представляет (Chamaou 2021: 457–458) гораздо более сложный вариант, в котором фирма находится в центре многостороннего взаимообратного процесса, в ходе которого она обменивается сигналами одновременно с такими разными «стейкхолдерами», как потребители, поставщики, защитники окружающей среды, чиновники, журналисты и пр. Заимствуя аналитический взгляд на деполитизацию у Шмитта, автор маркирует теорию Фримана как область моральной деполитизации проблемы корпоративного управления, которая не столько конкурирует, сколько дополняет теорию экономической деполитизации Дженсена-Меклинга (Ibid.).

Самому Дженсену подобный синтез приемлемым не показался. Он обрушился с критикой на прекраснодушную попытку поставить управленцев в подотчетно-контрактные отношения с «террористами, шантажистами и ворами» (Chamaou 2021: 464), которая неминуемо привела бы не только к отказу от максимизации прибыли, но и к параличу всякого решения. Вместе с ним на «стейкхолдеров» набросились и другие неолиберальные теоретики, отстаивавшие приоритет акционеров над новым, подозрительно широким классом агентов, — посвятившая критике понятия целую книгу Элейн Стернберг даже обвинила его авторов в «подрыве человеческих прав» класса собственников и низведении их до статуса «рабов» (Ibid.). Однако и в этом случае бескомпромиссность теоретиков разошлась со стратегическим мышлением практиков менеджмента, которые взяли термин на вооружение. «Стейкхолдеры» стали своего рода маркером признания, используя который можно было отсеивать тех акторов, которые своим поведением явно подрывали благодушную атмосферу многостороннего партнерства. На последних вешался ярлык «опасных стейкхолдеров» — их идентифицировали, но не признавали.

IV

Финальный момент кризиса и вдохновленного им контрреволюционного порыва со стороны традиционных интеллектуалов имел место, по версии Шамаю, в середине десятилетия. Почти непристойный в своем антидемократизме доклад Самюэля Хан-

тингтона для основанной Джоном Рокфеллером Трilaterальной комиссии (Crozier, Huntington, Watanuki 1975) возвращает (или выводит) дискуссию об управлении и управляемости с экономического на политический уровень. Вопрос совместимости капиталистического типа производственных отношений с развитой демократией, до тех пор актуальный скорее среди марксистов, становится центральным в повестке консервативных теоретиков. Предчувствие неизбежного фискального кризиса вследствие нарастания требований общества и невозможности электоральных демократий им сопротивляться проблематизирует как саму модель государственного управления, так и политическую культуру, вдохновляющую граждан на то, чтобы требовать постоянного расширения социальных программ. Сохранить несчастный брак демократии и рынка представляется возможным лишь через массовую деполитизацию, что потребовало бы сброс настроек *homo gubernatorius* и возвращение к модели *homo oeconomicus* (Chamaou 2021: 643).

В роли ключевого теоретика авторитарного поворота либерализма Шамаю выделяет Фридриха Хайека, припоминая тому и активную поддержку первой лаборатории радикального авторитарного либерализма — Чили. Неожиданным образом автор настаивает на шмиттианской генеалогии критики Хайека, описывающего слабость парламентской демократии, которая неизбежно становится жертвой взаимодействия и конкуренции групп с различными интересами. Шамаю обнаруживает, что представителей, казалось бы, столь разных взглядов объединяет критика того, что Шмитт называет «тотальным государством» — такого состояния парламентской демократии, при котором общество полностью поглощает государственный аппарат и, разрушая границы между экономическим, моральным и политическим, непрерывно погружается в политическое (Chamaou 2021: 702). Рецепт Шмитта известен — авторитарное государство, обладающее правом суверенного решения и возможностью подавить внутреннее сопротивление организованных групп, способно вновь разграничить области политического, морального и экономического, с определенными оговорками оставляя последнюю в руках частного капитала. Здесь и кроется загадка парадоксального заглавия — «авторитарным либерализмом» назвал проект Шмитта покинувший Германию в 1933 году социал-демократ Герман Геллер (Heller 1933). Шамаю же смело объявляет хайековский и, шире, неолиберальный идеал государства, всеми силами защищающего автономию рынка, продолжением этого проекта.

Полемическая привлекательность этого хода мысли, пускай даже подкрепленная тем фактом, что Хайек систематически поддерживал авторитарные режимы, будь то Чили, Португалия Салазара, аргентинская военная хунта или апартеид в ЮАР, не вполне убедительна с теоретической точки зрения. Ограничиваясь несколькими одобрительными цитатами Хайека о Шмитте (Chamaou 2021: 701), автор обходит вниманием весьма явные противоречия во взглядах двух авторов на верховенство закона и происхождение суверенитета, не говоря уже о потенциале рынка как почти теологического локуса «каталлархии», которую сам же Шамау выделяет в теории австрийского экономиста в предыдущих главах. Сравнение теорий государства этих двух авторов могло бы стать темой отдельной работы, однако в той относительно короткой главе, которая отведена ему в «Неуправляемом обществе», не представляется обоснованным. Не вполне проработана и связь этой крупномасштабной теоретической линии как с предшествующим ей анализом менеджериальных теорий, так и с последующей экспозицией тех мер дерегуляции, при помощи которых неолиберальному проекту удалось сокрушить государство всеобщего благоденствия.

Усмирение демократии в странах ядра капиталистической мир-системы обошлось без комиссарской диктатуры. Даже с учетом роли систематического полицейского насилия, ключевыми инструментами защиты экономического порядка стали более привычные либеральные инструменты — конституционализм, обескровливание социального бюджета за счет снижения налогов и высвобождение сокрушительной силы финансового рынка через его дерегуляцию. Помимо укрощения демократии-как-правительства (*democracy-as-government*) оставалась необходимость разобраться и с демократическими требованиями общества (*democracy-as-movement*), которые представляли еще большую угрозу в перспективе сворачивания умиротворяющей кейнсианской экономики.

Средством преодоления, а точнее обхода массового недовольства неолиберальными реформами становится «микropolitика». Мэдсен Пири (Pirie 1988), с гордостью представивший это понятие, не ссылаясь на Фуко, Делёза или Гваттари — по собственному признанию, его авторитетами в Сент-Эндрюсском университете были Хайек, Фридман и Карл Поппер (Chamaou 2021: 775). Пири определил свою технику правительности как «Искусство создания таких обстоятельств, при которых индивиды будут мотивированы предпочесть и поддержать частную альтернативу, и в которой люди будут принимать сознательные

индивидуальные решения, кумулятивный эффект которых приведет к желательному положению дел».

Этот подход разительно отличался от открытой борьбы идей, в которой консервативные интеллектуалы к тому моменту завязли без видимых надежд на продвижение.

Пири и его коллеги по Сент-Эндрюсскому университету вполне сознательно предпочли по-ленински прагматичную стратегию грамшианской борьбе за гегемонию. Обосновывая эффективность этого подхода, Пири активно критиковал своих американских соратников за идеалистическое представление о том, что практика последует за идеями, а не наоборот, между прочим, предлагая им отложить ненадолго Хайека и почитать отца большевистской революции: «Вместо того чтобы просто размахивать знаменем свободного рынка и издавать боевой клич, некоторые группы обратились к техническим и механическим деталям проводимых мер» (Chamayou 2021: 779). Эти меры умещались под зонтичным понятием, вполне знакомым российскому читателю, — приватизация. Задачи этой приватизации коррелировали в первую очередь с политической логикой переадресации любых требований рынку, а не государству, а ее истинным фронтом борьбы оказалось преодоление не столько финансового кризиса, сколько кризиса легитимности государства всеобщего благосостояния, да и самого этого государства в принципе.

Приватизация предложения тянула за собой не менее насущную задачу приватизации спроса, приучая гражданина-как-потребителя обращаться к опции «выхода» (или, в не-хиршмановских терминах, скорее «выбора»), а не «голоса». В 1987 году Стюарт Батлер, другой представитель Сент-Эндрюсского университета, назвал подобную стратегию «Консервативным видением всеобщего благоденствия» (Butler 1985). Батлер даже предложил переопределить (Chamayou 2021: 784) некогда популярное среди социальных движений 1960-х понятие «эмпауермент» и на этот раз «придать сил» индивидуальным потребителям, которые теперь могли сами выбирать поставщиков коммунальных услуг. Будучи запущенным однажды, процесс приватизации и его микро-политические последствия уже не останавливались. Ярким примером стала приватизация «Британских авиалиний» правительством Маргарет Тэтчер в 1983 г., когда, польстившись на единовременные выплаты, эквивалентные двум годам зарплаты, часть из двадцати тысяч подлежащих сокращению сотрудников пригрозили забастовкой в случае, если сделка по приватизации будет слишком долго откладываться. Подобная логика обмена политического согласия на персональные предпочтения срабо-

тала и во многих других случаях — от дерегулирования аренды жилья до пенсионных реформ.

От платной медицины до частного образования, ключевых союзников для построения «политических контркоалиций» государству всеобщего благоденствия неолибералы нашли среди широкого среднего класса, который, в терминах Майка Дэвиса (Davies 1999), оказался вполне податливым материалом для «внутриклассовой дифференциации» (Chamayou 2021: 800). Именно к определенным группам внутри него обращался популистский призыв «Новых правых» сбросить с себя бремя поддержки меньшинств, получателей пособий и работников публичного сектора. Однако основным фактором триумфа неолиберализма, настаивает Шамаю, стала не идеология и не политическая артикуляция, но вкрадчивая политическая технология, сознательно действовавшая на микро-уровнях повседневности.

V

Заключительный тезис автора, к которому тот подводит несколько столь разных исторических траекторий (контрреволюция американских менеджериальных теоретиков, криптошмиттианство Хайека, «изобретение» микрополитики приватизации в кабинетах Сент-Эндюсского университета), основывается на стратегической, а не идеологической интерпретации неолиберального поворота. В этом смысле работа Шамаю неявно оппонирует сразу нескольким устоявшимся направлениям исследований неолиберализма, фокусирующимся на активистской деятельности «неолиберального интеллектуального коллектива» (Mirowski, Plewe 2009; Plewe, Slobodian, Mirowski 2020; Slobodian 2020) или же на производстве особого типа рецептивной субъективности (Foucault 2008; Bröckling 2016; Brown 2019). Для Шамаю тот комплекс идей и практик, благодаря которому удалось победить государство всеобщего благоденствия и существовавшую культуру активного политического давления на это государство и корпорации, представляет собой скорее триумф технологии, чем гегемонии.

Либеральный авторитаризм (плеоназм, а не оксюморон, замечает автор) при всей вариативности его внешних форм становится неизбежным синтезом машины управления, нацеленной в первую очередь на сохранение господствующего типа производства и его иммунитет к демократическим требованиям. Авторитарное дублируется в нем на нескольких уровнях: в области политического оно выражается в сильном государстве

с монополией не только на насилие, но и на политическую волю как таковую; в области экономики в сохраненном или даже реанимированном «частном авторитаризме» менеджеров, которые надежно защищены от требований работников. В обоих случаях необходимым *tertium*, формой метавласти, контролирующей частный и государственный авторитаризмы, выступает финансовый рынок.

Выше я уже обращал внимание на несколько проблематичных, на мой взгляд, аспектов «Неуправляемого общества» — это и не слишком основательно заполненные структурные разрывы между ключевой для книги генеалогии борьбы с этическим менеджериализмом в США, марокроуровнем антидемократической теории Хайека и микроуровнем приватизационной стратегии Пири; и некоторая поверхностность аналогии между анализами государства у Хайека и Шмитта, тем более досадная, что из этой аналогии и рождается яркое заглавие, если не ключевой тезис Шамаю. Стоит обратить внимание и на сам тезис.

Несмотря на подзаголовок, «Неуправляемое общество» несколько обманывает ожидания, выпадая из серии критических исследований неолиберализма, анализирующих динамику его мутации (Crouch 2011; Callison, Manfredi 2020), которую все мы могли наблюдать на протяжении последнего десятилетия. Строгое ограничение термина «либерализм» его экономической коннотацией понятно в контексте общего акцента Шамаю на стратегическом, а не идеологическом аспекте неолиберальной контрреволюции. Однако оно же выносит за пределы работы ряд актуальных вопросов, возникших за последние 30 лет.

Почему в рамках неолиберального консенсуса «прогрессивную» артикуляцию столь стремительно сменяет «реакционная»? Насколько эффективно можно управлять обществом, в котором политическое, изолированное от возможности влиять на экономику, становится ареной ожесточенной поляризации? Можем ли мы считать происходящие в ограниченном политическом поле процессы лишь незначительной сменой декораций, изменением надстройки либерального авторитаризма, или же следует предполагать их сверхдетерминирующее влияние на него? Возвращаясь к языку самой книги, действительно ли Хайек или Шмитт более созвучны сегодняшнему моменту «кризиса предыдущего ответа на кризис»?

При всей ценности обильно приведенных исторических свидетельств, работа Шамаю представляется лишенной актуальной исторической перспективы, а многообещающие обращения автора к Шмитту не мешают ему начисто исключить рефлекссию

о набирающей обороты «реполитизации» либерального авторитаризма, которая грозит окончательно скомпрометировать само употребление первой части этого определения. Возможно, неслучайно едва ли не единственная и при этом наиболее яркая интерпретация политической цепочки эквивалентности между неолиберальной моделью управления и социальным консерватизмом в книге лишь цитирует (Chamayou 2021: 752) Шанталь Муфф (Mouffe 1986), которая посвятила свою интеллектуальную карьеру анализу политической сферы либеральных демократий.

Библиография

- Alchian, Armen (1965). “The Basis of Some Recent Advances in the Theory of Management of the Firm.” *The Journal of Industrial Economics* 14 N1 (1965): 30–41.
- Berle, Adolf, Means, Gardiner (2017). *The Modern Corporation and Private Property*. New York: Routledge.
- Bowen, Howard (2013). *Social Responsibilities of the Businessman*. Iowa City: University of Iowa Press, 2013.
- Brown, Wendy (2019). *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press.
- Bröckling, Ulrich (2016). *The Entrepreneurial Self. Fabricating a New Type of Subject*. London: Sage.
- Butler, Stuart (1985). “Privatization: A Strategy to Cut the Budget.” *Cato Journal* 5 N1 (1985): 325–335.
- Callison, William, Manfredi, Zachary (2020). *Mutant Neoliberalism: Market Rule and Political Rupture*. New York: Fordham University Press.
- Chamayou, Grégoire (2021). *The Ungovernable Society: A Genealogy of Authoritarian Liberalism*. Cambridge: Polity.
- Crouch, Colin (2011). *The Strange Non-death of Neo-liberalism*. New Jersey: Wiley.
- Crozier, Michel, Huntington, Samuel, Watanuki, Joji (1975). *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York University Press.
- Davies, Mike (1999). *Prisoners of the American Dream: Politics and Economy in the History of the US Working Class*. London: Verso.
- Demsetz, Harold (1988). “The Theory of the Firm Revisited.” *Journal of Law, Economics, & Organization* 4 N1 (1988): 141–161.
- Foucault, Michel (2008). *The Birth of Biopolitics*. London: Pallgrave MacMillan.
- Freeman, Edward (1984). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston, MA: Pitman.
- Heller, Hermann (1933). “Autoritärer Liberalismus.” *Die Neue Rundschau* 44 (1933): 289–298.
- Jensen, Michael, Meckling, William (1976). “Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure.” *Journal of Financial Economics* 3 (1976): 305–360.
- Manne, Henry (1961). “Current Views on the Modern Corporation.” *University of Detroit Law Journal* 38 (1961): 559–588.
- Mirrowski, Philip, Plehwe, Dieter (2009). *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mouffe, Chantal (1986). “L’offensive du néo-conservatisme contre la démocratie.” In *Néo-conservatisme et restructuration de l’État*, 35–47. Montréal: Les Presses de l’Université du Québec.

- Pirie, Madsen (1988). *Micropolitics*. Aldershot: Wildwood House.
- Plehwe, Dieter, Slobodian, Quinn, Mirowski, Philip (2020). *Nine Lives of Neoliberalism*. London: Verso.
- Slobodian, Quinn (2020). *Globalists: the end of empire and the birth of neoliberalism*. Cambridge: Harvard University Press.